

291.7
БЗ. 3(2=Рус) 5-8

228

581

ВЪ СТОЛѢТІЮ РОЖДЕНІЯ

Николая Михайловича
Языкова.

(1803—1903).

Изданіе Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммисіи.

ГРАДЪ СИНБИРСКЪ СЛАВНЫЙ И ПОХВАЛНЫЙ
КРАСИВѢЙШІЙ МОСКОВСКИЙ ЧЕРЕЗЪ БОЛО-
ДИ МЕРЬ ПЯТИ ВЕРСТЪ.

СИНБИРСКЪ
Типографія О. В. Муравьевской.
1903

17836

КЪ СТОЛѢТІЮ РОЖДЕНІЯ

Николая Михайловича
Языкова.

11382
17836.2

452 (1803—1903).

Изданіе Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммисіи.

ПОСЕРБИНО

1937

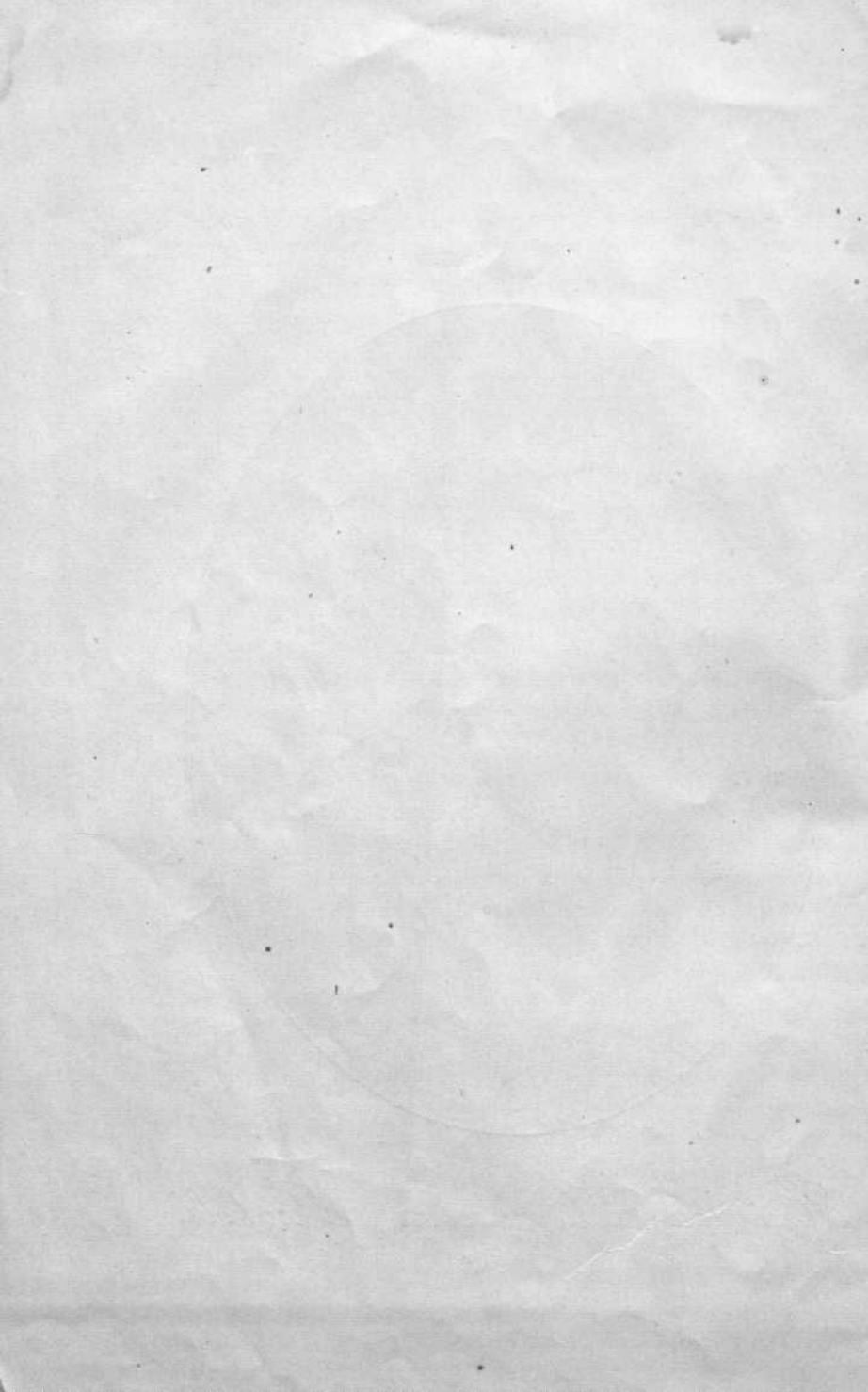
СѢМБІРСКЪ
Типографія О. В. Мураховской.
1903.

Печатано по постановленію Симбирской Губернской Ученой Архивной
Коммисіи отъ 9 января 1903 г.

Николай Михайлович Пухов.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЯЗЫКОВЪ.

1836. Николай Михайловичъ Языковъ родился въ Симбирскѣ 4 марта 1803 года, воспитывался въ С.-Петербургѣ въ институтѣ горныхъ инженеровъ, куда былъ отданъ по 12-му году. Выборъ мѣста воспитанія былъ рѣшенъ вовсе не потому, чтобы въ немъ замѣтили особенныя наклонности или способности къ горному дѣлу, но такъ.... случайно. вѣроятно потому, что тамъ уже воспитывались два его старшіе брата. Результатъ такого выбора вышелъ далеко не желанный: оказалось, юный питомецъ института къ математическимъ наукамъ рѣшительно не имѣлъ никакой охоты, а приневоливать себя не умѣлъ. Къ счастью еще, онъ порученъ былъ особенному наблюденію учителя русской словесности А. Д. Маркова, человѣка съ блистательнымъ умомъ, самобытнымъ просвѣщеніемъ и поэтическимъ огнемъ. Почтенный Алексѣй Дмитриевичъ, любившій Языкова, какъ сына, прилагалъ все свое стараніе къ развитію его способностей, заставлялъ его читать и изучать Ломоносова и Державина, и, можетъ быть, въ этихъ-то начальныхъ занятіяхъ угадывая призваніе своего ученика, ласково встрѣчалъ первые его опыты, нѣжно лелѣялъ его поэтическія стремленія. Признательный нашъ поэтъ всю жизнь хранилъ искреннюю благодарность къ своему наставнику и свято чтить его память.

Въ 1820 году Николай Михайловичъ кончилъ курсъ въ институтѣ и поступилъ въ инженерный корпусъ. Занятія сего послѣдняго заведенія еще менѣе соответствовали потребностямъ его души; оттого черезъ годъ онъ вышелъ оттуда и на свободѣ предался своимъ любимымъ литературнымъ занятіямъ. Они-то, вѣроятно, и расположили молодого Языкова

къ рѣшенію отправиться въ Дерптъ, чтобы поучиться въ тамошнемъ университетѣ. Снабженный рекомендательными письмами А. О. Воейкова, который первый изъ литераторовъ привѣтствовалъ талантъ его, Языковъ въ концѣ 1822 г. прибылъ въ Дерптъ и сталъ посѣщать университета лекціи.

Здѣсь, въ кругу сверстниковъ—товарищей по душѣ,—началась собственно развиваться поэтическая дѣятельность Языкова. На студентскія пирушки и бесѣды поэтъ являлся съ своими пѣснями; дружные товарищи хоромъ пѣли ихъ съ одушевленіемъ.

Съ переѣзда же Языкова въ Дерптъ, примѣрно въ 1823 году, начали появляться въ печати разныя его стихотворенія. При самомъ первомъ появленіи они были замѣчены и отличены Жуковскимъ и Пушкинымъ по ихъ бойкой силѣ и яркой живописи. Славные поэты почтили молодого пѣвца лестнымъ, радушнымъ привѣтомъ; особенно Пушкинъ высоко цѣнилъ талантъ Языкова и еще въ 1824 году желалъ съ нимъ лично познакомиться. Языковъ цѣлое лѣто гостилъ у Пушкина въ Тригорскомъ. Время, проведенное въ обществѣ Пушкина, искренно воспѣто имъ въ замѣчательномъ стихотвореніи „Тригорское“ и всю жизнь было самымъ свѣтлымъ и отраднымъ его воспоминаніемъ. „Я вопрошалъ, пишетъ Языковъ къ Вульффу, совѣсть мою и внималъ отвѣтамъ ея—и не нахожу во всей моей жизни ничего подобнаго красотою нравственной и физической, ничего пріятнѣйшаго и достойнѣйшаго сіять золотыми буквами на доскѣ памяти моего сердца—нежели лѣто 1826 года!“ Черезъ 20 лѣтъ онъ съ такимъ увлеченіемъ вспоминалъ Тригорское: „Вези, писалъ онъ тому же Вульффу, вези мой поклонъ и почтеніе въ Тригорское всѣмъ и каждому, кто меня помнитъ, и всѣмъ мѣстамъ, кои я помню о сию пору и никогда не забуду“.

Въ короткое время имя Языкова, какъ поэта, стало общеизвѣстно: стихи его съ увлеченіемъ читала образованная публика, а въ особенности восхищалась ими молодежь. Блестящі были успѣхи Языкова въ обществѣ, какъ поэта, но да-

леко не таковы были успѣхи его въ университетѣ, какъ студента. Для университета онъ работалъ не усидчиво, а такъ... порывами, по временамъ: не могъ впитаться въ занятія сухія, скучныя, прозаическія, но необходимыя, даже не умѣлъ совладѣть съ методическими серьезными приготовленіями къ экзамену. „Въ моемъ положеніи внѣшнемъ и внутреннемъ, — откровенно сознавался онъ Вульффу— все идетъ прежнимъ порядкомъ или, вѣрнѣе, безпорядкомъ: приготовленія къ экзамену можно признать, не начались, потому что мнѣ совѣстно называть симъ почтеннымъ именемъ обыкновенное чтеніе, справки и выправки учебныя—безъ системы, какъ въ голову придетъ, безъ цѣли близкой“.— Годъ за годъ, а приготовленія къ экзамену не подвигались впередъ; кончилось тѣмъ, что онъ такъ таки и не приготовился къ нему въ теченіи цѣлыхъ шести лѣтъ и въ концѣ 1829 года оставилъ Дерптъ студентомъ бездипломнымъ.

Изъ Дерпта Языковъ перѣхалъ на житье въ Москву; съ 1829 по 1832 годъ прожилъ въ ней безвыѣздно. Цвѣтущій здоровьемъ и красотой, съ независимымъ состояніемъ, онъ жилъ въ Москвѣ чрезвычайно уединенно: безвыходно, даже безвыѣздно сидѣлъ дома и въ полной власти собственнаго своего произвола. Въ эту пору онъ рѣшился поступить на службу: 12 сентября 1831 года состоялось его опредѣленіе въ межевую канцелярію. Служба однакожь не заняла и не завлекла его: почти при самомъ вступленіи въ должность онъ сталъ смотрѣть на нее, какъ на помѣху его занятію, которое шутливо между друзьями называлъ стихописаньемъ. Такой взглядъ на службу скоро перешелъ въ убѣжденіе, а убѣжденіе не замедлило перейти въ дѣло: 18 ноября 1833 года видимъ Язикова уже уволеннымъ отъ службы по прошенію въ чинѣ коллежскаго регистратора. Главнымъ побужденіемъ къ такому поспѣшному выходу изъ службы было сильное, рѣшительное желаніе Язикова навсегда поселиться въ деревнѣ, усѣсться на одномъ мѣстѣ, чтобы вполне и свободно предаться своимъ любимымъ занятіямъ: по его понятію, кочевая жизнь

не благопріятствуетъ поэтической дѣятельности въ Россіи, по его убѣжденіямъ, необходимо имѣть осѣдлость, быть уединенно—поэтическій и много другого, чтобы муза его вовсе предалась своей милой страсти, принесла плоды многіе, и прославилась славно. Этому благородному плану однакожь не суждено было исполниться: болѣзнь, открывшаяся въ 1831 году слабыми, незначительными припадками, въ 1833 году начала усиливаться довольно значительно; боли отъ солитера, расстройства спинной кости и печени увеличились уже до того, что нужно было серьезно подумать о лѣченіи; и постоянная жизнь въ деревнѣ оказывалась несбыточною мечтою. Для облегченія страданій онъ нашелся вынужденнымъ бывать часто въ Москвѣ, съѣздить въ Пензу къ славившемуся тамъ гомеопату, Петерсону. Во дни облегченія отъ недуга Языковъ брался за все дѣло, замышлялъ большіе труды, дѣятельно участвовалъ въ “Московск. Наблюдателѣ”. Въ эту пору, именно въ 1836 г. онъ льстилъ себя надеждою на продолжительную дѣятельность: „да, я опять расписался,—говорилъ онъ своему товарищу Вульффу, — и теперь кажется надолго. Принимаюсь и за большіе труды. Полно мнѣ, такъ сказать, мелочничать. Впрочемъ, да не смущается сердце твое—посланія у меня всегда будутъ писаться—только что они будутъ уже незначительны—вотъ главное“!

„Теперь жизнь моя чрезвычайно благопріятна стихописанію: уединенная, какъ нельзя больше, тихая, привольная и сельская—и хвала за то провидѣнію, хозяйство мое такъ хорошо устроено и такъ долго шло хорошо, что я совершенно могу предаваться любви своей“. Такъ думалъ и располагалъ въ душѣ Языковъ въ апрѣлѣ 1836 года, но не такъ случилось на дѣлѣ: коренная постоянная болѣзнь его еще болѣе стала усиливаться, и осенью 1837 г. къ ней присоединилась новая—сильная простуда, отъ которой онъ пролежалъ на одрѣ болѣзни до мая 1838. Съ трудомъ перевезли его въ Москву, гдѣ медики присовѣтовали ему путешествіе въ Маріенбадъ. Оправившись отъ простуды, Языковъ въ августѣ выѣхалъ изъ Москвы на маріенбадскія воды.

Тамъ пробылъ онъ почти два мѣсяца, пилъ брунъ купался въ водѣ и грязяхъ. но все безъ пользы; по окончаніи курса отправился въ Ганау къ знаменитому доктору Копу. Копъ обѣщаль поставить его на ноги и сдѣлать молодцомъ къ осени 1839 года; но какъ и на сколько оправдались смѣлыя, утѣшительныя обѣщанія добродушнаго врача, тому лучшимъ доказательствомъ служить вся заграничная пятилѣтняя жизнь Языкова, проведенная, по его же словамъ, подъ ферулою медицины, полная тягостными переѣздами отъ одного мѣста къ другому, томительными переживаниями и отдыхами отъ одного лѣкарства до другого. За границей состояніе здоровья его порою было таково, что онъ не могъ порядочно пройти по комнатѣ, взойти на лѣстницу безъ провожатаго, прочесть страницы и написать пяти строкъ, не почувствовавши одышки; но были дни, хотя и рѣдко, когда болѣзнь уступала искуснымъ усиліямъ врача и благому дѣйствію цѣлебныхъ водъ: въ такіе счастливые дни тоскующій по родинѣ поэтъ охотно принимался за стихи.

Къ этому періоду жизни относится замѣчательная его пьеса „къ Рейну“ и нѣсколько элегій. Вступъ пять лѣтъ скитался онъ по чужимъ странамъ: изможденнымъ, съ тою же, но еще болѣе усилившеюся болѣзнію, воротился онъ въ Москву въ августѣ 1843 г. Здѣсь онъ поручилъ себя наблюдению своего стараго дерптскаго товарища профессора Иноземцева. Искусство знаменитаго московскаго врача съ трудомъ поддерживало разрушавшееся здоровье поэта, который услаждалъ горечь своихъ страданій религіозными размышленіями, чтеніемъ священнаго писанія и отечественной исторіи, бесѣдами съ близкими и друзьями. Плодомъ этихъ думъ, занятій и бесѣдъ остались нѣсколько посланій и прекрасныя религіозныя стихотворенія „Землетрясеніе“ и „Сампсонъ“

Въ половинѣ декабря 1846 года Языковъ простудился; къ застарѣвшей 15-лѣтней болѣзни присоединилась горячка. Онъ счелъ ее за предзнаменованіе своей близкой смерти. Напрасно друзья старались разувѣрить его въ такомъ печальномъ

убѣжденіи; онъ былъ непоколебимъ и серьезно сталъ готовиться къ смерти: пригласилъ священника совершить послѣдній долгъ христіанина, сдѣлалъ нужныя похоронныя распоряженія, назначилъ даже кого пригласить на свои похороны и заказалъ блюда для похороннаго обѣда.

26 декабря, къ общему прискорбію, оправдалось грустное его предчувствіе смерти; въ шестомъ часу вечера Языкова не стало: онъ скончался тихо и незамѣтно для его окружающихъ. 30 декабря родные, друзья и почитатели похоронили его въ Даниловомъ монастырѣ между могилами двухъ памятныхъ нашихъ людей—Венелина и Валуева.

На память объ Языковѣ остались для насъ его стихотворенія, изъ которыхъ многія блещутъ истинной красотой, исполнены художественности, за которыя онъ, какъ самобытный талантъ, займетъ по праву видное и почетное мѣсто въ ряду литературныхъ дѣятелей пушкинскаго періода, и съ которыми имя его будетъ всегда жить въ исторіи нашей словесности. Печатавшіяся при жизни поэта то въ періодическихъ изданіяхъ, то отдѣльными книгами, они не разъ были предметомъ и восторженныхъ, превыспренныхъ похвалъ, и ѣдкихъ, саркастическихъ порицаній; нынѣ они, конечно, найдутъ судъ болѣе безпристрастный и справедливый; предохранять цѣнителей—читателей и отъ чрезмѣрной выпренности льстивыхъ похвалъ и отъ желчи безпощадныхъ порицаній.

Ограничиваясь не широкою областью, поэзія Языкова не представляетъ намъ роскошнаго богатства и плѣнительнаго разнообразія въ своемъ содержаніи: это—ея существенный недостатокъ. За то внѣшняя сторона ея—стихъ, полный неподдѣльной красоты, составляетъ гордость музы Языкова. Гармонія, сила, музыка стиховъ слышится всюду въ его твореніяхъ: это признаютъ за нимъ всѣ единогласно, даже порицатели его. Чтобы ни избралъ предметомъ своего стихотворенія—разгульную ли пирушку, картину ли природы, историческое ли событіе или священную былинку,—Языковъ вездѣ

является чуднымъ мастеромъ стиха и великимъ художникомъ слова. „И недаромъ, — заключимъ справедливыми словами Гоголя, — пришлось ему имя Языковъ. Владѣть онъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властію, откуда ни начнетъ періодъ, съ головы ли съ хвоста ли, онъ выведетъ его картинно и заключить такъ, что остановишься пораженный“.

(„Стих. Н. М. Языкова“. Изд. Перевлѣскаго).

СЕЛО ЯЗЫКОВО.

Очеркъ В. Н. Поливанова.

Въ верстѣ отъ большого московскаго тракта изъ Симбирска въ Корсунъ (уѣздный городъ Симбирской губерніи), на берегу р. Урени, живописно раскинулось село Языково. Нѣкогда жалованная вотчина служилыхъ предковъ этого рода, она входила въ составъ тѣхъ „дикихъ полей“, которыя послѣдовательно колонизовались русскими ратными людьми; до сихъ поръ здѣсь хорошо сохранилась земляная „черта“, ограждавшая безопасность владѣній Московскаго государства отъ Воронежа до верховьевъ Камы, русскія названія поселеній и особенно женскаго древняго наряда. Но не этими остатками старины интересно село Языково, а тѣми воспоминаніями, которыя его связываютъ съ бывшимъ владѣльцемъ поэтомъ и посѣтившимъ его въ 1833 году его знаменитымъ современникомъ и другомъ А. С. Пушкинымъ. Сохранившійся въ малозмѣненномъ видѣ барскій деревянный домъ красиво господствуетъ надъ окружающею мѣстностью, и съ террасы его открывается обширный видъ на сосѣднія поля и перелѣски. Внѣшностью языковскій домъ напоминаетъ довольно общій времени его основанія типъ построекъ начала 19 столѣтія.

Въ два этажа, онъ построенъ отцомъ поэта Михайломъ Петровичемъ въ формѣ „покая“ съ корридорами и двумя просторными для службъ и приѣзда гостей флигелями. Со стороны сада фасадъ украшенъ семью колоннами дорическаго стиля и каменною лѣстницею. Дворъ обнесенъ рѣшеткою съ каменными столбами и параллельно постройкамъ обсаженъ вязами, образующими внутри тѣнистую площадку. Внутреннее расположеніе комнатъ и частію сохранившаяся обстановка гармонируютъ еще съ общимъ характеромъ зданія и тѣми воспоминаніями, которыя онъ хранитъ въ своихъ стѣнахъ. Изъ прихожей посѣтитель входитъ въ довольно обширный залъ, и направо изъ сосѣдней комнаты дверь ведетъ въ комнату, гдѣ останавливался Пушкинъ. „Здѣсь ночевалъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“ — пояснилъ намъ сопровождавшій по дому за отсутствіемъ хозяина молодой сынъ его управляющаго. Опредѣленіе это было по видимому правильно и подтверждено тутъ же моимъ спутникомъ по поѣздкѣ Н. Ф. Бѣляковымъ. Г. Бѣляковъ, неоднократно бывавшій въ домѣ своего дяди В. П. Языкова, прежняго его владѣльца, всегда слышалъ, что за этой комнатою сохранялось названіе „пушкинской“. Комната эта средней величины, съ однимъ большимъ окномъ въ садъ, обставлена мебелью краснаго дерева, черною, деревянною кроватью и въ углу типичнымъ украшеніемъ камина въ формѣ усѣченной колонны. Единственное измѣненіе, внесенное въ этотъ священный уголокъ—это обращеніе камина въ обыкновенную печь. По сохранившемуся въ домѣ и въ семьѣ Языковыхъ разсказу извѣстно, что Пушкинъ, не заставъ въ первый разъ своего посѣщенія Николая Михайловича дома, вырѣзалъ ему алмазнымъ перстнемъ на память, на одномъ изъ стеколъ окна своей комнаты, свое имя. Къ сожалѣнію, стекло разбилось, и этотъ дорогой автографъ навсегда потерянъ. Говорятъ также, что на каминѣ долго сохранялось много интересныхъ надписей и эпиграммъ, которыя теперь всѣ заблѣны. Изъ письма, писаннаго поэтомъ къ своей женѣ изъ с. Языкова 12 сентября 1833 года мы знаемъ, что, проѣзжая въ

Оренбургъ, онъ заѣхалъ къ Языкову и, не заставъ его дома, переночевалъ и уѣхалъ въ Симбирскъ. За хозяина гостя принималъ старшій братъ его Петръ Михайловичъ, котораго Пушкинъ называетъ человѣкомъ чрезвычайно замѣчательнымъ и собирается его полюбить, какъ Плетнева и Нащокина. Въ концѣ того же мѣсяца Александръ Сергѣевичъ, собравъ на мѣстѣ матеріалы для своей „Исторіи пугачевского бунта“, возвращался тѣмъ же путемъ въ свое нижегородское имѣніе Лукояновскаго уѣзда въ с. Болдино и вторично заѣхалъ въ Языково. На этотъ разъ, какъ онъ сообщаетъ въ письмѣ къ Натальѣ Николаевнѣ, онъ засталъ „всѣхъ трехъ братьевъ, отобѣдалъ съ ними очень весело“ и, переночевавъ, уѣхалъ къ себѣ въ деревню. Обходя другія комнаты, мы долго остановились въ гостиной, какъ наиболѣе сохранившей интереснаго. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе современные Языкову портреты и гравюры. Въ числѣ ихъ есть прекрасный гравированный портретъ С. С. Уварова, впослѣдствіи графа и министра народнаго просвѣщенія. Внизу онъ снабженъ подписью. Графъ изображенъ лѣтъ подъ сорокъ, въ плащѣ, съ курчавой шевелюрою. Надъ диванами виситъ замѣчательный, старинный, англійскій акватинтъ — портретъ Франклина. Рядомъ съ ними помѣщены портреты современныхъ геологовъ и натуралистовъ. Послѣдніе составляли несомнѣнную собственность второго владельца дома Петра Михайловича, который, какъ геологъ, самъ занимаетъ почетное мѣсто въ семьѣ русскихъ ученыхъ. Кромѣ описанныхъ портретовъ, сохранилась цѣлая коллекція гравюръ рысистыхъ и скаковыхъ лошадей весьма рѣдкаго изданія. Картинки эти принадлежали отцу поэта, который купилъ часть коннаго завода, принадлежавшаго графу Владимиру Григорьевичу Орлову изъ жалованнаго Екатериною II Орловымъ имѣнія, села Головкина, нынѣшней Самарской губерніи. Не мало еще въ домѣ старинной, домашней работы мебели краснаго дерева, напоминающей общій того времени стиль empire. Интересный письменный столъ съ массою ящиковъ, кресла и вышитыя ширмы. Все это еще дышетъ той

старинной, которая, если и не такъ отъ насъ далека, то тѣмъ не менѣе быстро исчезаетъ. Здѣсь, среди этихъ стѣнъ, всѣ эти вещи представляются какъ-бы забытыми, въ ожиданіи своей очереди..

Перехожу къ описанію церкви и сада. Каменная церковь круглой формы, какъ и соединенная съ нею колокольня, окружена рядомъ колоннъ и отстоитъ отъ дома въ недалекомъ разстояніи. Построена она, какъ и домъ, отцомъ поэта, прахъ котораго въ общемъ семейномъ склепѣ поконится вмѣстѣ съ прахомъ жены Екатерины Александровны, урожденной Ермоловой. Мѣсто, гдѣ поставлена церковь, очень живописно и какъ нельзя болѣе дополняетъ видъ на красивую, чисто русскую барскую усадьбу. Указываютъ въ главномъ иконостасѣ два мѣстныхъ образа древняго письма, пожертвованные Н. М. Языковымъ. Зная его высоко-религіозное настроеніе, нѣтъ ничего невозможнаго допустить это предположеніе, хотя имя жертвователя въ церковной описи не значится.

Въ стихахъ къ женѣ своего брата Н. А. Языковой поэтъ такъ характеризовалъ свой деревенскій садъ:

Зову на свѣтлый прудъ, туда, гдѣ тѣнь густую
Склонилъ къ водамъ нагорный садъ...

Въ настоящее время отъ сада и его густой тѣни осталось очень немного. Сохранились двѣ—три аллеи акаціи, подъ горой нѣсколько старыхъ, доживающихъ свой вѣкъ деревьевъ. Видны еще признаки прудовъ съ островками и на одномъ слѣды бесѣдки, а на другомъ почтенныхъ размѣровъ береза и ветла. Водоемы эти наполнялись свѣжею проточною водою изъ верхняго пруда, на берегу коего была оранжерея. Вода изъ прудовъ сбѣгала въ рѣку Урень, который ниже въ свою очередь былъ запруженъ и, прилегая къ саду, образовалъ ту свѣтлую, водяную поверхность, обсаженную по берегамъ густою зеленью, о которой упоминается въ стихахъ. Насколько любилъ поэтъ свою родину, мы знаемъ изъ его стихотвореній и переписки. Въ Языковѣ прошло его дѣтство и многіе лучшіе

годы жизни. Не даромъ онъ всегда такъ пламенно желать поселиться тамъ,

Гдѣ лется мирно и незримо
Мое привольное житье;
Гдѣ я могу такимъ покоемъ наслаждаться,
Какого я не зналъ нигдѣ и никогда,
И мыслить, и мечтать и страстно забываться
Передъ свѣтильникомъ труда...

Въ разцвѣтѣ своей молодости онъ писалъ къ мужу своей сестры П. А. Бестужеву изъ Дерпта 18 февр. 1829 года: „Тебѣ уже извѣстна, мой почтеннѣйшій, моя рѣшительная воля объ оставленіи Дерпта. Надѣюсь, что вы не откажетесь и не замедлите способствовать моему, безъ похвалы скажу, спасенію! Вездѣ, гдѣ-бы то ни было, я могу лучше работать, думать и писать, жить блаженствовать вездѣ, кромѣ Дерпта; буду здоровѣе тѣломъ и духомъ. Какъ-бы только добраться до Языкова! Ужъ тамъ-то застихотворствую, и возстановится моя блистательная слава поэтическая. Эта надежда меня такъ утѣшаетъ, какъ ребенка въ больницѣ. Часть времени проходить у меня въ мечтахъ о будущихъ трудахъ, подвигахъ стихотворческихъ, ученыхъ, всегда независимыхъ, ненарушимыхъ и райски сладостныхъ“. Завидная доля села Языкова вдохновлять поэта несомнѣнно должна быть отнесена къ тому общему чувству его любви къ родинѣ, о которомъ было упомянуто. Не суждено, однако, найти ему желанный покой надолго. Тяжелый недугъ заставилъ покинуть дорогое ему Языково и попеременно жить въ Москвѣ и за границей въ надеждѣ на поправленіе своего здоровья. 26 декабря 1846 года онъ скончался, и родовое его Языково перешло къ его старшему брату Петру, сынъ котораго Василій Петровичъ продалъ это имѣніе симбирскому купцу Степанову, отцу нынѣшняго его владѣльца.

Воспоминанія М. Погодина о К. М. Языковѣ.

И Языкова нашего не стало! 26 декабря, въ 6-мъ часу вечера, испустилъ онъ послѣдній вздохъ свой, непримѣченный никѣмъ: окружавшіе думали, что онъ только уснулъ. Такъ тихо и мирно прекратилась эта простая, чистая, младенческая жизнь, изъ временъ патріархальныхъ случайно разцвѣтшая среди нашей тревоги, суеты и нестроенія. Мы знали, что онъ не жалецъ на землѣ, что жестокая, закоренѣлая болѣзнь всякую минуту грозитъ ему опасностью; но все намъ не хотѣлось вѣрить, что бы онъ разстался съ нами такъ скоро! Блѣдный, согбенный, изнеможенный, съ тусклыми взорами, со впалыми щеками, съ поникшей головою, онъ все еще, казалось намъ, могъ прожить дольше.

А помните ли вы Языкова въ блистательное его время, въ тридцатыхъ годахъ. въ Москвѣ, когда онъ, бывало, среди дружеской бесѣды, возвеселившійся сердцемъ, свѣжій и румяный, въ русыхъ кудряхъ, украшенный цвѣтами, поднимая голубые глаза къверху, начиналъ произносить свои стихи, полные жизни и силы, пламенные, громозвучные? И вся шумная бесѣда умолкала около восторженного поэта, и, притаивъ дыханіе, слушала его вѣщую пѣснь; казалось, это юный Вакхъ въ лавровомъ вѣнцѣ, сіяющій и радостный, поетъ, возвращаясь изъ Индіи.

Когда его упрекали, зачѣмъ онъ не пишетъ больше, — „некогда, отвѣчалъ онъ, надо думать о смерти“. За два дня до кончины, среди горячки, въ ясную минуту возвратившагося сознанья, вдругъ обратился онъ къ людямъ, стоявшимъ около его смертнаго одра и спросилъ твердымъ голосомъ, вѣрують ли они воскресенію мертвыхъ. Ночью въ бреду уже поднимался онъ и рвался безпрестанно къ образу.

Одно только чувство оживляло его годы. Это любовь къ отечеству. Отечество, святую Русь, любилъ онъ всею сердцемъ своимъ, всею душою своею и всею мыслию своею. Всякій трудъ во славу его совершенный, всякое открытіе, обѣщавшее

какую нибудь пользу, всякое извѣстіе, которое возбуждало надежду того или другого рода, принималъ онъ къ сердцу и радовался, какъ ребенокъ. Характеръ русскаго народа уважалъ онъ больше всего. Русскій умъ во всѣхъ его проявленіяхъ, русскій толкъ, превосходство предъ другими народами въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—составляли его единственную гордость. Ничѣмъ нельзя было принести ему столько удовольствія, даже во время его болѣзни, какъ разсказами о нашихъ крестьянахъ, солдатахъ, матросахъ. Онъ развеселялся, зажимывалъ глаза, хохоталъ и наконецъ махалъ руками въ знакъ того, чтобы дали ему отдохнуть.

Имя Языкова останется навсегда украшеніемъ русской словесности. Нелѣпые толки объ его стихотвореніяхъ, распространенные въ послѣднее время людьми пристрастными и легкомысленными, позабудутся скоро, и златокованный стихъ его, которому завидовалъ Пушкинъ, который уважаетъ высоко Жуковский, возгремѣть еще громче, заблестаетъ еще ярче, чѣмъ прежде, къ наслажденію и гордости всѣхъ истинныхъ друзей русской словесности.

Избранныя стихотворенія Н. М. Языкова.

Моя родина.

„Гдѣ твоя родина, пѣвецъ молодой?“
—Гдѣ берегъ уставленъ рядами кургановъ;
Гдѣ бились славяне при пѣсняхъ баяновъ;
Гдѣ Волга, какъ море, волнами шумить...
Тамъ память героевъ, тамъ край вдохновеній,
Тамъ все, что мнѣ мило, чѣмъ сердце горитъ;
Туда горделивый пѣвецъ полетитъ,
И струны пробудятъ минувшаго геній! —

„Кого же прославить пѣвецъ молодой?“
—Пѣвца восхищаютъ могучіе дѣды;
Онъ любить славянскихъ героевъ побѣды,
Ихъ нравы простые, ихъ жаръ боевой;
Онъ любить долины, гдѣ бились народы,
Пылая къ отчизнѣ любовью святой;
Гдѣ падали силы Орды Золотой;
Гдѣ пѣли пѣсни войны и свободы.

„Кого же прославить пѣвецъ молодой?“
—Отъ звука родного, съ ихъ бранною славой,
Какъ звѣзды, блистая красой величавой,
Возстанутъ герои изъ мрака тѣней:
Вы, страшные грекамъ, и ты, нашъ Армяній
Младый, но ужасный средь вражьихъ мечей,
И ты, сокрушитель татарскихъ цѣпей,
И ты, побѣдившій враговъ и пустыни!—

„Но кто жъ молодого пѣвца наградить?“
—Пылаеть онъ жаждой награды высокой,
Онъ борется смѣло съ судьбою жестокой,
И, гордый, всесильной судьбы не винить...
Такъ бурей гонимый, средъ мрака ночного,
Пловецъ по ревущимъ пучинамъ летить,
На грозное небо спокойно глдитъ
И взорами ищетъ свѣтила родного!—

„Но кто жъ молодого пѣвца наградить?“
—Потомокъ героевъ, какъ предки, свободный,
Пѣвецъ не унижить души благородной.
Отъ почести свѣта и пышныхъ даровъ.
Онъ славить отчизну—и въ гордости смѣлой
Не занять молвою, не терпитъ оковъ:
Онъ ждетъ себѣ славы ... за далью вѣковъ,
И взоры сверкають надеждой веселой!—

ДВѢ КАРТИНЫ.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда надъ нимъ свѣтило дня
Изъ синихъ водъ, какъ шаръ огня,
Встаетъ въ торжественномъ покоѣ:
Его красой озарена,
Цвѣтами радуги играя,
Лежитъ равнина водяная
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя вѣетъ,
Едва колышутся лѣса,
Какъ блестики золота, свѣтлѣетъ
Ихъ переливная роса;
У пробудившагося берега
Стоять, готовые для бѣга,

И тихо плещутъ паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбакъ взываетъ и поётъ,
И пѣсня русская живая
Разносится по глади водъ.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательнымъ столбомъ
Свѣтило искрится ночное
Въ его кристалѣ голубомъ:
Какъ тѣнь, отброшенная тучей,
Вдоль искривленныхъ береговъ.
Чернѣютъ образы лѣсовъ,
И кое-гдѣ огонь пловучій
Горитъ на челнахъ рыбаковъ;
Безмолвна синяя пучина,
Въ дубровахъ мракъ и тишина,
Небесъ далекая равнина
Сіянья мирнаго полна;
Лишь изрѣдка, съ богатымъ ловомъ
Подъемя сѣти изъ воды,
Рыбакъ живетъ веселымъ словомъ
Своихъ товарищей труды;
Или—путемъ дугообразнымъ—
Съ небесныхъ падая высотъ,
Звѣзда надъ озеромъ блеснетъ,
Огнемъ разсыплется алмазнымъ,
И въ отдаленіи пропадетъ.

Изъ стихотворенія „Пригорское.“

Вотъ за далекими горами
Скрывается прекрасный день;
Отъ сѣней лѣса надъ водами
Волнообразными рядами
Длиннѣть трепетная тѣнь;
Въ рѣкѣ сверкаетъ блескъ зарницы,
Пустьбють холмы, доль и брегъ;
Въ село въѣзжаютъ вереницы
Поля покинувшихъ телѣгъ;
Гдѣ—гдѣ залаетъ песъ домовый,
Иль вѣтерокъ зашелеститъ
Въ листьяхъ темнѣющей дубровы,
Иль птица робко пролетитъ,
Иль возъ тяжелый и скрипучій,
Усталымъ движимый конемъ,
Считая бревна колесомъ,
Переступаетъ мостъ пловучій;
И вдругъ отрывный и глухой
Промчится грохотъ надъ рѣкой
Уже спокойной и дремучей—
И вдругъ замолкнетъ. Но вдали,
На краѣ неба, мѣсяцъ полный
Со всѣхъ сторонъ заволокли
Большія облачныя волны:
Вонъ разступились—вонъ сошлись—
Вонъ грозно тихія слились
Въ одну громаду непогоды—
И на лазоревые своды,
Молніеносна и черна,
Съ востока братается она.
Уже безмолвіе лѣсное
Налетомъ вѣтра смущено;

Уже немирно и темно
Рѣки теченіе ночное;
Широко зыблются на немъ
Тѣней раскидистыя чащи,
Какъ парусъ въ воздухѣ дрожащій,
Почти упущенный пловцомъ,
Когда внезапно буря встанетъ,
Покатитъ шумныя струи,
Рванетъ крыло его ладьи
И надъ пучиною растянеть.

Тьма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнуетъ,
Взрываетъ воды и лѣса,
Гремитъ и блещетъ и бушуетъ.
Мгновенья дивныя! Когда
Съ конца въ конецъ, по тучамъ бурнымъ,
Зубчатой молніи бразда
Огнемъ разсыплется пурпурнымъ;
Все видно: цѣпь далекихъ горъ
И разноцвѣтныя картины
Извивовъ Сороти, озеръ,
Села и берега и долины!
Вдругъ тьма угрюмѣй и чернѣй,
Удары громче громовые
Шумнѣе, гуще и быстрѣй
Дождя потоки проливные.

Но завтра, въ пышной тишинѣ,
На небо ярко-голубое
Свѣтило явится дневное,
Возставитъ утро золотое
Грозой омытой сторонѣ.

Придутъ ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,

О православная земля
Священныхъ памятниковъ Пскова?
Твои родныя красоты
Во имя музъ благословляю
И вѣрнымъ счастьемъ называю
Все, чѣмъ меня ласкала ты.

Р У Ч Е Й.

Подъ склономъ сѣтчатыхъ вѣтвей,
Черезъ груды камней и корней
Играють, скачутъ, силы полны,
Твои серебряныя волны;
Свѣтло и пышно лучъ дневной,
Скользя на грани водяныя,
На быстринѣ твоей живой
Дробится въ искры огневныя.

Лежу. Деревъ нагорныхъ тѣнь
Мою задумчивую лѣнь
Своей прохладой осѣняетъ;
Въ вершинахъ лѣса, тамъ и тамъ,
По шепотливымъ ихъ листьямъ
Мгновенный шорохъ пробѣгаетъ—
И смолкнетъ вдругъ, и вдругъ сильнѣй
Зашевелится мракъ вѣтвей,
И лѣсъ пробудится дремучій,
И въ чащѣ ходить шумъ глухой—
Здѣсь и тогда, ручей гремучій,
Твой говоръ слышенъ волновой!

Люблю его; ему внимая,
Я наслаждаюсь—и во мнѣ
Мечта яснѣетъ золотая

О незабвенной сторонѣ.....
Бѣгите, дни, какъ эти воды,
Бѣгите, дни, быстрѣй, быстрѣй.
Да вновь священный лучъ свободы,
Въ душѣ заискрится моею!

П Л О В Е Ц Ъ.

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумить оно;
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.

Смѣло, братья! Вѣтромъ полный
Парусъ мой направилъ я:
Полетитъ на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнеть вѣтеръ, зыбь чернѣй,
Будетъ буря: мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней.

Смѣло, братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердитый встанетъ,
Глубже бездна упадетъ!

Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна;
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходить тишина.

Но туда выносить волны
Только сильнаго душой!....
Смѣло, братья: бурей полный
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой!

П О Э Т У.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно имъ твоя трепещеть грудь,
И видишь ты свое предназначенье
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный явентъ даръ:

Могучей мысли свѣтъ и жаръ

И огнедышащее слово:

Иди ты въ міръ,—да слышитъ онъ пророка;
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ,
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси и не бери наградъ.
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ:

Невиненъ будь, какъ голубица,

Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!

И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ;
И жизнию торжественно — высокой
Ты процвѣтешь,—и будетъ вѣкъ свѣтло

Твое открытое чело

И зорко пламенное око!

Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ,
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ:
Онъ на тебя немилосердно взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечутъ ихъ—и жрецъ отпрянетъ,
Дрожащій страхомъ и стыдомъ!

Б У Р Я.

Громадныя тучи нависли широко
Надъ моремъ и скрыли блистательный день,
И въ синюю бездну спустилась глубоко
И въ ней улеглася тяжелая тѣнь:
Но бездна морская уже негодуетъ;
Ей хочется свѣта и ропщетъ она,
И скоро, могучая, встанетъ грозна,
Пространно и громко она забушуетъ.

Великую силу уже подымая,
Полки она строить изъ водныхъ громадъ;
И валъ—великанъ, головою качая,
Становится въ рядъ, и ряды говорятъ;
И вотъ свои смуглыя лица нахмуря,
И бѣлые гребни колебля, они
Идутъ. Въ черныхъ тучахъ блестнули огни,
И громъ загудѣлъ. Начинается буря...

КЪ РЕЙНУ.

Я видѣлъ, какъ бѣгутъ твои зелены волны:
Онѣ, при вешнемъ свѣтѣ дня,
Играя и шума, летучимъ блескомъ полны,
Качали ласково меня;
Я видѣлъ яркія, роскошныя картины:
Твои изгибы, твой просторъ,
Твои веселые каштаны и раины,
И виноградъ по склонамъ горъ,
И горы, и на нихъ высокія могилы
Твоихъ бывшихъ богатырей,
Могилы рыцарства, и доблести, и силы
Давно, давно минувшихъ дней!

Я волжанинъ: тебѣ привѣты Волги нашей
Принесъ я. Слышалъ ты о ней?
Великъ, прекрасенъ ты! Но Волга больше, краше,
Великолѣпнѣе, пышнѣй,
И глубже, быстрая, и шире, голубая!
Не такъ, не такъ она бурлитъ,
Когда поднимется погода верховая
И бѣлый валъ заговорить!
А какова она, шумящихъ волнъ громада,
Весной, какъ съ выси береговъ
Черезъ ея разливъ не перекинешь взгляда,
Черезъ море водъ и острововъ!
По царству и рѣка!... Тебѣ привѣтъ задравный
Ея, властительницы водъ,
Обширныхъ русскихъ водъ, простершей ходъ свой
славный,
Всегда торжественный свой ходъ,
Между холмовъ, и горъ, и доловъ многоплодныхъ
До темныхъ Каспія зыбей!
Привѣты и ея притоковъ благородныхъ,
Ея подручницъ и князей:
Тверцы, которая безбурными струями
Лелѣетъ тысячи судовъ,
Идущихъ пестрыми, красивыми толпами
Подъ звучнымъ пѣніемъ пловцовъ;
Тебѣ привѣтъ Оки поемистой, дубравной,
Въ раздолѣ муромскихъ песковъ
Текущей царственно, блистательно и плавно,
Въ виду почтенныхъ береговъ,—
И храмы древніе съ лучистыми главами
Глядятся въ ясны глубины,
И тихій благовѣстъ несется надъ водами,
Завѣтный голосъ старины!
Суры, красавицы задумчиво бродящей:
То въ густоту своихъ лѣсовъ

Скрывающей себя, то на поляхъ блестящей
Подъ опахаломъ парусовъ;
Свяги пажитной, игривой и безсонной,
Среди хозяйственныхъ заботъ,
Любящей стукъ колесъ, и плескъ неугомонный,
И гулъ работающихъ водъ;
Тебѣ привѣтъ изъ странъ Біармінъ далекой,
Привѣтъ царицы хладныхъ рѣкъ,
Той Камы сумрачной, широкой и глубокой,
Чей сильный, бурный водобѣгъ,
Подъ кликами орловъ свои валы сѣдые
Ката въ кремнистыхъ берегахъ,
Несетъ желѣзо, лѣсъ и горы соляныя
На исполинскихъ ладіяхъ;
Привѣтъ Самары, чье теченіе живое
Не слышно въ говорѣ гостей,
Ссыпающихъ въ суда богатство полевое,
Пшеницу—золото полей;
Привѣтъ проворнаго, лихого Черемшана,
И двухъ Иргизовъ луговыхъ,
И тихо-струйнаго, привольнаго Сызрана,
И всѣхъ и большихъ и меньшихъ,
Несмѣтныхъ данниковъ и данницъ велича вой,
Державной сѣверной рѣки.

В Е С Н А.

Великолѣпный день! На мягкой муравѣ
Лежу; ни облачка въ небесной синевѣ!
Цвѣтетъ зеленый лугъ; чистѣйшій воздухъ горный
Прохладой сладостной и нѣгой животворной
Струится въ грудь мою, и полонъ я весной!

И вотъ пѣвецъ ея летаетъ надо мной,
И звуки надо мной веселые летаютъ!
И чувство дивное тѣ звуки навѣвають
Мнѣ на душу. Даюсь невольно забытью
Волшебному, глаза невольно закрываю:
Легко мнѣ, такъ легко, какъ будто я летаю,
Летаю и пою, летаю и пою!

И. М. КАРАМЗИНУ.

Онъ памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,
Достойный праведныхъ похвалъ,
И краше, чѣмъ кумиръ иль столбъ каменосѣчный,
И тверже, чѣмъ литой металлъ!
Тотъ славный памятникъ, отчизну украшая,
О немъ потомству говорить
И будетъ говорить, покуда Русь святая
Самой себѣ не измѣнитъ!
Покуда вняты ей родимыя преданья
Давно скончавшихся вѣковъ
Про свѣтлыя дѣла, про лютыя страданья,
Про жизнь и вѣру праотцовъ;
Покуда нашъ языкъ, могучій и прекрасный,
Ихъ вѣщій, ихъ заветный гласъ,
Пѣвучій и живой, звучитъ намъ сладкогласно,
И есть отечество у насъ!

САМПСОНЪ.

На праздникъ стеклися въ божницу Дагона
Народъ и князья филистимской земли;
Себѣ на потѣху они и Сампсона
Въ оковахъ туда привели,

И шумно ликуютъ. Душа въ немъ уныла,
Онъ думаетъ думу: давно ли жила,
Кипѣла въ немъ дивная, страшная сила,
Израиля честь и хвала!

Давно ли, дрожа и блѣднѣя, толпами
Враги передъ нимъ повергались во прахъ,
И львиную пасть раздиралъ онъ руками,
Ворота носилъ на плечахъ!

Его соблазнили Далилы прекрасной
Коварныя ласки, сверканье очей,
И пышное лоно, и звукъ любовнаго
Плѣнительныхъ, женскихъ рѣчей;

Въ объятіяхъ нѣги его усыпила
Далила, и кудри остригла ему:
Зане въ нихъ была его дивная сила
Какой не дано никому!

И Бога забылъ онъ, и падшаго взяли
Сампсона враги, и лишали очей,
И грозныя руки ему заковали
Въ мѣдную тяжесть цѣпей.

Жестоко поруганъ и презрѣнъ, томился
Въ темницѣ и мельницу двигалъ Сампсонъ;
Но выросли кудри его, — но смирился
И Богу покаялся онъ.

На праздникъ Дагона его изъ темницы
Враги привели,—и потѣха онъ имъ!
И старый, и малый, и жены—блудницы,
Ликуя, смѣются надъ нимъ.

Безумные! бросьте свое ликованье!
Не смѣйтесь, смотрите, душа въ немъ кипитъ:
Несносно ему отъ враговъ поруганье,
Онъ гибельно вамъ отомститъ!

Незрячія очи онъ къ небу возводитъ,
И зыблется грудь его, гнѣвомъ полна;
Онъ слышитъ: бывалая сила въ немъ бродитъ,
Могучи его рамена.

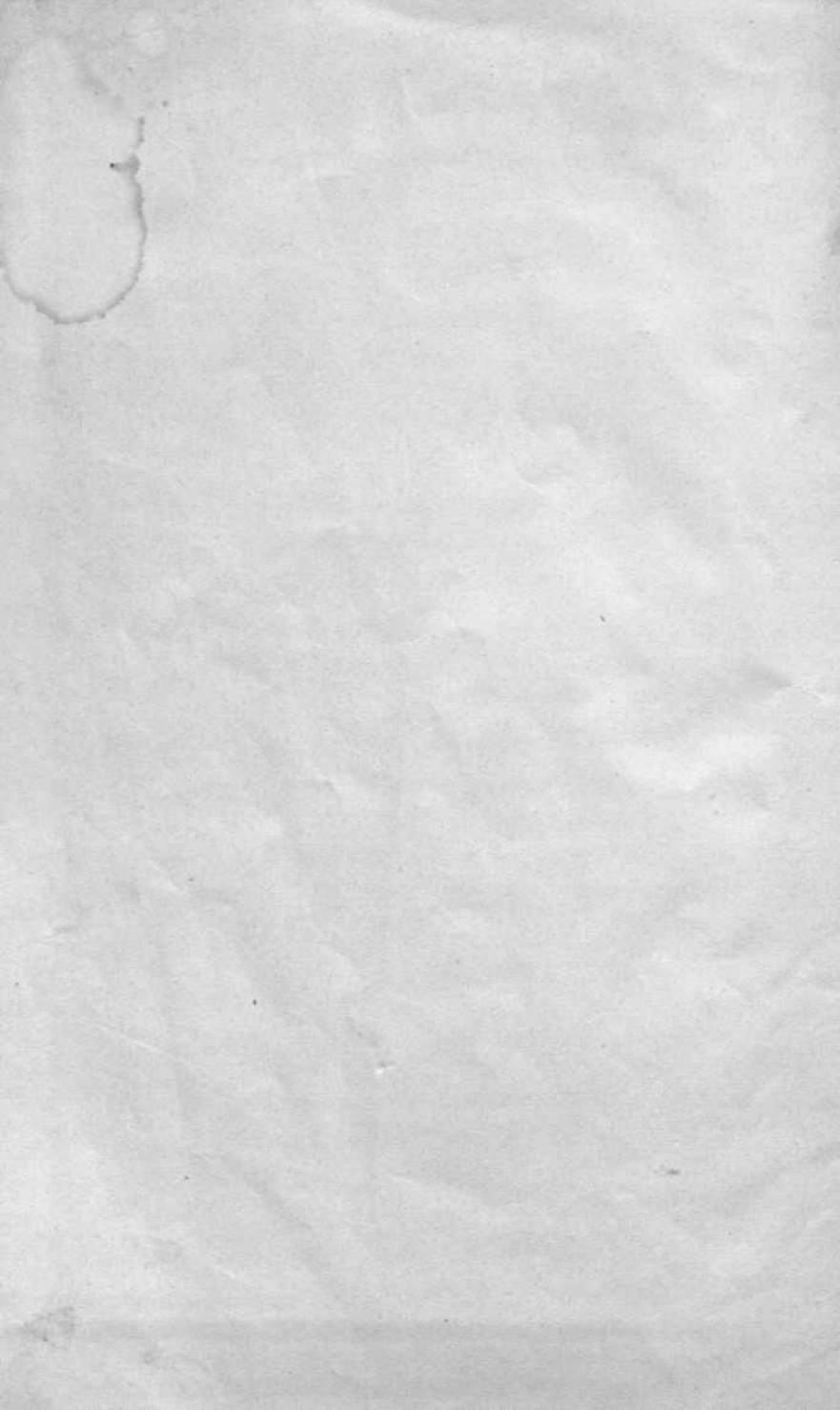
„О, дай мнѣ погибнуть съ моими врагами!
Внемли, о мой Боже, послѣдней молебѣ
Сампсона!“ И крѣпко схватилъ онъ руками
Столбы и позвалъ ихъ къ себѣ.

И вдругъ оглянулись враги на Сампсона,
И страхомъ и трепетомъ обдало ихъ,
И пала божница... и праздникъ Дагона
Подъ грудой развалинъ утихъ....

17836.

np 2010

11-11-11

